

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2408-9303-2022-9-2-20-32
УДК 339.727.2(045)
JEL M41, C33

Структурно-динамический анализ прямых иностранных инвестиций: региональный аспект

В.С. Левин, Е.В. Саталкина

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены виды прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в капитал российских компаний в региональном разрезе. **Предметом** исследования являются проблемы сбора и группировки информации о привлекаемых объемах инвестиций для последующего макроэкономического анализа. В рамках исследования использовались такие общенаучные **методы**, как систематизация, индукция и дедукция, синтез, а также структурно-динамический и другие виды анализа. Проблемы привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику и их равномерного распределения по регионам РФ в настоящее время остаются актуальными, а структура поступающих ПИИ сильно деформирована: по большей части они сконцентрированы в ограниченном круге регионов и характеризуются явной географической и отраслевой неравномерностью распределения. Результаты, полученные в ходе исследования, могут использоваться для оценки инвестиционной привлекательности российских регионов.

Ключевые слова: капитал; прямые иностранные инвестиции; учет; статистика; концентрация

Для цитирования: Левин В.С., Саталкина Е.В. Структурно-динамический анализ прямых иностранных инвестиций: региональный аспект. *Учет. Анализ. Аудит = Accounting. Analysis. Auditing.* 2022;9(2):20-32. DOI: 10.26794/2408-9303-2022-9-2-20-32

ORIGINAL PAPER

Structural and Dynamic Analysis of Foreign Direct Investments: Regional Aspect

V.S. Levin, E.V. Satalkina

Orenburg State University, Orenburg, Russia

ABSTRACT

The paper considers the foreign direct investment (FDI) in the capital of Russian companies in the regional context. The subject of the research is the problem of collecting and unification of the information on attracted investment volumes for subsequent macroeconomic analysis. Within the framework of the study, the authors used such general scientific methods as systematization, induction and deduction, synthesis, as well as structural-dynamic and other types of analysis. The problems of attracting FDI in the economy and their uniform distribution across the regions of the Russian Federation currently remain relevant, and the structure of incoming FDI is highly deformed with a pronounced concentration of most of them in a limited range of regions with a strong geographic and sectoral uneven distribution. The results of the study, which have theoretical and applied significance, can be used for the investment attractiveness of Russian regions.

Keywords: capital; direct foreign investments; statistics; accounting; concentration

For citation: Levin V.S., Satalkina E.V. Structural and dynamic analysis of foreign direct investments: Regional aspect. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing.* 2022;9(2):20-32. (In Russ.). DOI: 10.26794/2408-9303-2022-9-2-20-32

ВВЕДЕНИЕ

Статья является продолжением публикации, посвященной профессиональному суждению бухгалтера относительно прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и выявлению существующих противоречий между бухгалтерским и статистическим учетом [1] с целью разработки методики проведения ретроспективного структурно-динамического анализа ПИИ в регионах Российской Федерации на основе макроэкономических статистических данных.

Гипотеза исследования заключается в необходимости выявления, подтверждения или опровержения постулируемой в научной литературе взаимосвязи между условиями ведения предпринимательской деятельности и объемами привлеченных ПИИ в России. Кроме того, необходимо было проверить работоспособность «принципа Парето»¹ применительно к региональной структуре поступивших иностранных инвестиций.

Необходимыми условиями для признания методики исследования результативной являются следующие:

- экономические субъекты и регионы РФ, обладая равными конституционными правами и полномочиями, находятся в рыночной конкурентной среде;
- потенциальные возможности привлечения ПИИ равны для всех организаций и регионов;
- период исследования обусловлен наметившейся положительной тенденцией улучшения места РФ в рейтинге Всемирного банка «Ведение бизнеса»².

СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПИИ В РЕГИОНАХ РФ

В последние годы роль ПИИ в экономическом развитии РФ и их анализ в пространственно-временном аспекте, проблемы неоднородности инвестиционного пространства России находятся в центре внимания многих ученых. Так, Е. И. Козлова и М. А. Путилина, приводя данные о поступлении иностранных инвестиций в российскую

экономику за 2015–2020 гг., отмечают, что их сокращение является ограничивающим фактором для повышения потенциала экономического роста: в структуре поступивших в РФ прямых инвестиций более 97% занимают страны дальнего зарубежья, в том числе офшорные — 66%; основными отраслевыми направлениями инвестирования являются обрабатывающие и добывающие производства, оптовая и розничная торговля; потоки ПИИ резко сокращает пандемия COVID-19 [2].

В статье Д. С. Веселова, Е. О. Горещкой и Л. А. Канцалиевой, где исследуется динамика притока ПИИ, отраслевая, региональная и страновая структуры накопленных инвестиций, подчеркивается, что в результате усиления геополитической напряженности в мире объем поступающих в страну ПИИ существенно снизился, а наибольшие поступления идут из стран-офшоров: Кипра, Люксембурга, Багамских и Виргинских островов и т.д., причем с сильной неравномерностью по федеральным округам и регионам России [3].

В работе Н. С. Шулупаевой предложена методика оценки воздействия прямых иностранных инвестиций на развитие внешней торговли страны-реципиента в количественном и качественном аспектах. Ее новизна заключается в оценке привлекательности страны для экспортоориентированных ПИИ, выявлении и классификации факторов, способствующих их притоку [4].

Ряд ученых обращают внимание на несоответствие данных о потоках ПИИ и методах их оценки. Так, Д. А. Чельшева и М. А. Новак проводят сравнительный анализ трех различных подходов к оценке иностранных инвестиций, проводимых ЦБ РФ, Росстатом и ЮНКТАД³, выявляют их преимущества, недостатки и направления совершенствования [5].

По утверждению Н. П. Дементьева, данные ЦБ РФ и Евростата по ПИИ из Евросоюза в Россию сильно расходятся. Ученым указаны причины этих расхождений: часть средств, отраженных статистикой ЦБ РФ в качестве российских ПИИ в ЕС, расценивается Евростатом как безвозвратно выведенный из России капитал, а кругооборот российских ПИИ он частично игнорирует [6].

В. А. Хомяков, Д. Н. Немчинова, В. В. Гребеник подчеркивают, что антироссийские санкции, введенные после 2014 г., серьезно ограничили приток ПИИ, особенно из стран Евросоюза, являвшегося

¹ Принцип Парето (принцип 80/20) — эмпирическое правило, формулируемое как «20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий — лишь 20% результата».

² Ежегодный доклад «Ведение бизнеса» (Doing Business Report), выпускаемый Всемирным банком. 2020 г. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).

³ ЮНКТАД — Конференция ООН по торговле и развитию.

ранее крупнейшим торговым партнером России. В то же время в противовес происходит увеличение притока прямых инвестиций из азиатских стран: Китая, Индии, Японии, ОАЭ, Вьетнама, Сингапура, Ирана, Египта, Турции [7].

Вопрос политического противостояния и негативного влияния санкций на поступление ПИИ рассмотрен А. А. Гильяно. Автор обращает внимание на сильную дифференциацию регионов России по уровню экономического развития и неоднородность «инвестиционного поля страны», но вместе с тем отмечает «позитивную тенденцию к перемещению Российской Федерации на верхние позиции рейтинга по показателю благоприятных условий ведения бизнеса» [8].

С. С. Берман и В. Р. Медведева считают, что введенные санкции оказывают непосредственное негативное влияние и сдерживают приток ПИИ в регионы РФ, что негативно сказывается на их социально-экономическом и научно-техническом развитии. Авторы отмечают, что в международных рейтингах, «оценивающих комфортность предпринимательской деятельности, Российская Федерация не смогла занять лидирующие позиции», но одновременно с этим в рейтинге Всемирного банка «Doing Business» было отмечено значительное их повышение в последние годы. Сравнивая объемы иностранных инвестиций в пяти крупнейших регионах Приволжского федерального округа, они проводят корреляционно-регрессионный анализ за период с 2005 по 2016 г., используя такие макроэкономические показатели, как валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения, степень износа основных фондов, уровень инфляции, динамику валютного курса и т. д. [9].

Интерес представляют исследования зарубежных авторов, зачастую кардинальным образом отличающиеся от работ отечественных ученых, но генерирующих идеи для продолжения научной деятельности в выбранной предметной области. Так, Л. Х. Линь, рассматривая иностранные инвестиции в экономику РФ, вскрывает проблемы, возникающие при их распределении, преимущества и недостатки ПИИ [10]. Т. К. Савко проведен анализ процесса привлечения ПИИ странами — участниками ЕАЭС; им также рассчитаны коэффициенты эластичности иностранных инвестиций, что позволило определить эффект от привлечения ПИИ для экономики страны. По мнению автора, наряду с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Арменией потенциальными возможностями для

роста экономики за счет роста входящих потоков ПИИ в рамках интеграционного образования ЕАЭС обладает Беларусь [11]. В отличие от русскоязычной литературы, в работах зарубежных авторов (особенно китайских) основное внимание концентрируется не на входящих, а на исходящих потоках ПИ. Группа ученых из Бирмингемского университета (Великобритания) рассматривает детерминанты вывоза ПИИ Китая с особым акцентом на роль государственной политики (политики в области регулирования, обслуживания, продвижения и надзора). На основе разработанной методики учета политики различных типов они утверждают, что политика регулирования, обслуживания и общее позитивное отношение правительства оказывают значительное влияние на вывоз ПИИ Китая на национальном уровне [12]. Ученые из Китая и Пакистана анализируют эмпирическую связь между обменным валютным курсом и внешними ПИИ Китая, а также исследуют выявленные закономерности для Пакистана в рамках проекта Китайско-Пакистанского экономического коридора. В исследовании показывается, что в краткосрочной перспективе коррупция, инфляция и правопорядок могут оказать существенное (по сравнению с экспортом) влияние на исходящие потоки ПИИ [13].

Воздействие внешних прямых иностранных инвестиций на внутренние инновации Китая раскрыто в статье Z. Dong, Z. Mia, Y. Zhang: авторы доказали, что вывоз ПИИ в развитые страны более эффективен для поощрения инновационной деятельности, чем в развивающиеся, а также эмпирически проверили три потенциальных канала передачи ПИИ: прямые закупки технологий, доступ к высокотехнологичным ресурсам и международная мобильность персонала [14].

Важным направлением исследований является учет экологических факторов в рамках устойчивого развития. Влияние технологических инноваций, финансового развития и ПИИ на возобновляемые, невозобновляемые источники энергии и окружающую среду рассматривается в [15]: доказывалась необходимость поощрения расширения финансовых рынков в странах БРИКС⁴, поскольку, ограничивая выбросы CO₂, они являются основными детерминантами сектора возобновляемых источников энергии и экономического роста. Кроме того,

⁴ БРИКС (от англ. BRICS — сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) — группа из пяти стран: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР.

в этих странах крайне необходимы инвестиции в НИОКР⁵ и технологические инновации.

Взаимосвязь между сокращением выбросов и ПИИ в Китае исследуется китайско-австралийской группой ученых, которой установлено, что экологическое регулирование способствует улучшению структуры прямых иностранных инвестиций, а через это — модернизации всей экономики [16].

Влияние притока ПИИ и открытости внешней торговли на загрязнение окружающей среды в эпоху глобализации рассмотрено учеными Туниса и Франции. Используя данные по 27 африканским странам за период с 1990 по 2013 г., они разработали эмпирическую модель, основанную на наборе панельных методов, а также доказали важность этих факторов для смягчения неблагоприятных последствий деятельности тяжелых загрязнителей и решения экологической проблемы в соответствии с Целями развития тысячелетия ООН⁶ [17].

Анализу политических рисков ПИИ в энергетический сектор развивающихся стран посвящена работа W. Jiang, I. Martek, которые доказали, что риск-профиль нарушения правопорядка, религиозная напряженность и коррупция приводят к значительной политической неопределенности, влияющей на иностранные инвестиции в энергетику. Однако эти результаты в различных странах зависят также и от других факторов, таких как валовой внутренний продукт, экономическая свобода и спрос на энергию в принимающих странах [18].

Обобщив отечественные и зарубежные разработки, а также накопленный при анализе входящих потоков ПИИ опыт, мы пришли к выводу, что за последние годы в условиях кардинального изменения инвестиционного климата под воздействием внешнеполитических факторов и санкционных ограничений изменилась роль иностранных инвестиций, в особенности ПИИ. Для понимания природы этих изменений нами разработана методика ретроспективного структурно-динамического анализа этого вида инвестиций в регионах России, включающая три этапа.

Предварительный этап. Используя информацию платежного баланса с сайта ЦБ⁷, проанализи-

зируем динамику входящих ПИИ по Российской Федерации в целом (рис. 1).

Рассчитаем и проанализируем структуру входящих ПИИ по федеральным округам без учета итоговых данных по «матрешечным» регионам (Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО) и двум субъектам РФ, статистических данных по которым недостаточно для полного и сопоставимого анализа за весь анализируемый период (г. Севастополь и Республика Крым). Таким образом, наша выборка будет состоять из 80 регионов.

Заметим, что «матрешечными» нередко называют регионы, которые территориально входят в состав другого субъекта РФ, и потому часто учитываются статистикой как в составе этих регионов, так и самостоятельно. Например, с позиций статистики Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа входят в состав Тюменской области, а Ненецкий автономный округ — Архангельской области. Часто количественная информация по таким субъектам отражается одной строкой; автономные округа являются самостоятельными субъектами РФ и поступившие иностранные инвестиции по ним учитываются отдельно. Для исключения «двойного счета» из общей таблицы удалены строки с данными по таким регионам и представлены результаты анализа многолетних средних (с учетом удельного веса каждого федерального округа).

Далее проведем анализ поступивших ПИИ по регионам РФ. Для этого рассчитаем степень их концентрации с помощью Индекса Херфиндаля-Хиршмана (НИ) за 2011 и 2020 гг., отсортировав регионы в порядке возрастания долей (табл. 1).

Построим кривые Лоренца, отражающие неравномерность распределения ПИИ по регионам РФ за 2011 и 2020 гг. (рис. 2).

Индексы Джини и кривые Лоренца характеризуют высокий уровень неравномерности распределения долей поступивших ПИИ между регионами в анализируемом временном интервале. Аналогичная картина складывается и при расчете этих же показателей в 2011 г. для федеральных округов: можно отметить высокий уровень концентрации во всех округах, кроме Приволжского (табл. 2).

За исследуемый период степени концентрации и неравномерности распределения ПИИ, оставаясь на достаточно высоком уровне, увеличились в Се-

ты. URL: <https://yandex.ru/search/?text> (дата обращения: 15.09.2020).

⁵ НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

⁶ Цели развития тысячелетия. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/millennium-development-goals> (дата обращения: 25.02.2022).

⁷ Прямые инвестиции в Российскую Федерацию: операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиден-

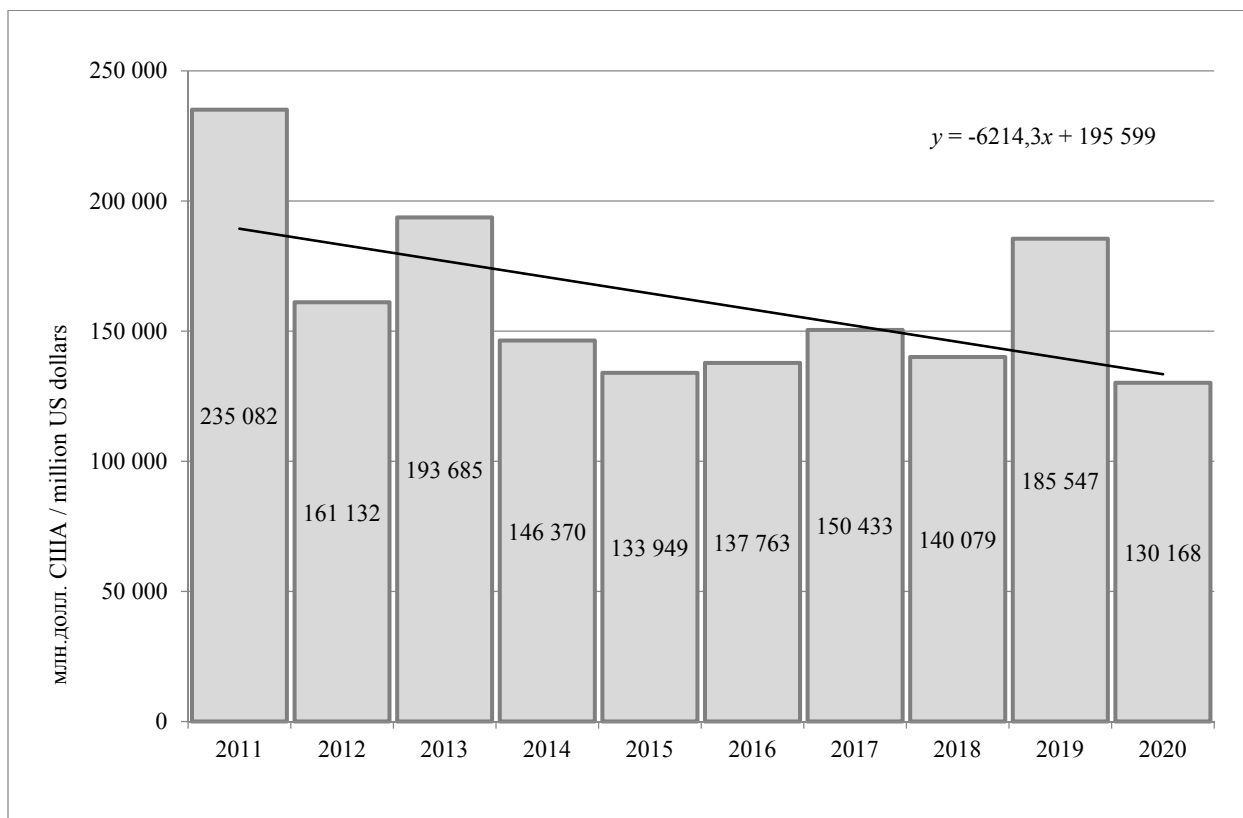

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика входящих ПИИ в РФ за 2011–2020 гг., млн долл. США / Dynamics of inward FDI in the Russian Federation for 2011–2020, million USD

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

Таблица 1 / Table 1

Распределение входящих ПИИ по регионам РФ в динамике /
Distribution of inward FDI in the Russian Federation regions in dynamics

Показатель / Index	2011 г.	2020 г.	Абсолютное отклонение в 2020 г. от 2011 г. / Absolute deviation in 2020 from 2011
Индекс Херфиндаля-Хиршмана (HHI) / Herfindahl-Hirschman index (HHI)	4894	4230	-664
Индекс Джини K_G / Gini index K_G	91,45	92,98	1,53

Источник / Source: рассчитано авторами / calculated by the authors.

веро-Кавказском, Сибирском, Приволжском и Дальневосточном федеральном округах. При этом степень концентрации снизилась в Уральском, Южном, Центральном и Северо-Западном, а неравномерность сократилась только в Уральском федеральном округе.

Основной этап. Используем выборку из 80 регионов за период 2011–2020 гг. для проверки работоспособности закона Парето⁸. Он может слу-

жить базовой установкой при анализе факторов эффективности иностранного инвестирования в России и оптимизации их территориального распределения: правильно выбрав минимум российских регионов, можно быстро получить значительную часть; при этом дальнейшие улучшения могут быть неэффективными и неоправданными.

Отсортируем имеющиеся данные за каждый год в порядке возрастания долей и разделим имею-

⁸ См. выше.

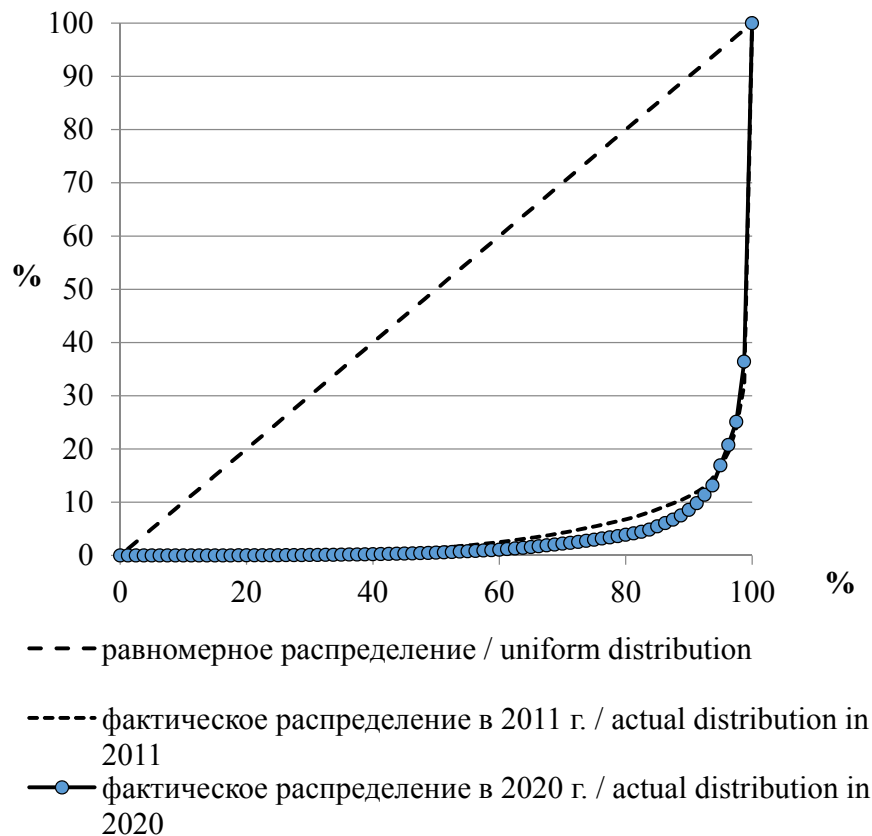

Рис. 2 / Fig. 2. Кривые Лоренца, характеризующие неравномерность распределения входящих ПИИ по регионам РФ / Lorentz curves characterizing the uneven of inward FDI across regions of the Russian Federation

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

щуюся выборку на 5 квинтильных⁹ групп, каждая из которых составит 20% от общего численного состава, или 16 регионов (табл. 3).

Разделим выборку на 10 децильных¹⁰ групп, каждая из которых составит 10% от общего численного состава, или 8 регионов (табл. 4).

Проведенный анализ свидетельствует о возростании роли крупнейших групп:

- пятой группы КГ5 на 2,89% за счет сокращения долей оставшихся четырех квинтильных групп (КГ1–4);
- девятой и десятой децильных групп ДГ9–10 на 2,9% за счет сокращения долей оставшихся восьми групп (ДГ1–8).

⁹ При построении квинтильных групп регионы ранжируются по объемам привлеченных ПИИ в порядке их возрастания, а затем делятся на пять равных групп, каждая из которых включает 20% от общего количества регионов.

¹⁰ При построении децильных групп регионы ранжируются по объемам привлеченных ПИИ в порядке их возрастания, а затем делятся на десять равных групп, каждая из которых включает 10% от общего количества регионов.

Изучение распределения ПИИ по федеральным округам показывает, что за исследуемый период существенно возросла доля Уральского федерального округа (на 6,42%) и незначительно — Сибирского федерального округа (на 0,35%). Доли оставшихся округов сокращались (табл. 5).

Заключительный этап. Выразим результаты расчетов графически (рис. 3–6) и сделаем выводы. На рис. 3 видно, что доля пятой квинтильной группы (шестнадцати крупнейших регионов, или 20% их численности от общего числа) составляет более 90% и за анализируемый период в динамике продолжает увеличиваться.

На рис. 4 показано, что доля десятой децильной группы (восьми крупнейших регионов, или 10% их численности от общего числа) за анализируемый период времени в динамике увеличивается с 89,37 до 91,59%.

Один из критериев уровня дифференциации между региональными потоками ПИИ — это коэффициент фондов: отношение суммарных долей по ДГ10 и ДГ1. На рис. 5 видно, что значение данного

Таблица 2 / Table 2

Распределение входящих ПИИ по федеральным округам /
Distribution of inward FDI by federal districts

Федеральный округ / Federal district	2011 г.		2020 г.		Абсолютное отклонение в 2020 г. от 2011 г. / Absolute deviation in 2020 from 2011	
	НИИ	K _G	НИИ	K _G	НИИ	K _G
Центральный / Central	8592	92,03	8320	92,25	-272	0,22
Северо-Западный / Northwestern	4213	71,86	4172	79,23	-41	7,37
Южный* / Southern *	4171	61,01	3072	62,26	-1099	1,25
Северо-Кавказский / North Caucasian	7840	80,51	9899	85,38	2059	4,87
Приволжский / Privolzhsky	1496	56,27	2422	69,07	926	12,8
Уральский / Uralian	8041	67,3	5928	60,13	-2113	-7,17
Сибирский** / Siberian **	1940	56,84	3358	73,90	1418	17,06
Дальневосточный** / Far Eastern	3672	60,30	3864	74,28	192	13,98

Источник / Source: рассчитано авторами / calculated by the authors.

Примечание / Note: * Южный федеральный округ с 2016 г. объединяет Южный федеральный округ и Крымский федеральный округ. Указ Президента Российской Федерации от 28.07.2016 № 375. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41161> / The Southern Federal District has been uniting the Southern Federal District and the Crimean Federal District since 2016. Decree of the President of the Russian Federation No. 375 dated July 28, 2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41161>. ** В 2000 г. внесены изменения в составы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Указ Президента Российской Федерации от 03.11.2018 № 632. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43719> / In 2000, changes were made to comprise the Siberian and Far Eastern federal districts. Decree of the President of the Russian Federation No. 632 dated November 3, 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43719>.

Таблица 3 / Table 3

Распределение общего объема входящих ПИИ по квинтильным группам регионов РФ /
Distribution of total inward FDI by quintile groups of the Russian Federation regions

Группы регионов РФ / Russian Federation regions groups	Количество регионов / The number of regions	Удельный вес входящих ПИИ, в % к их общему объему / Share of inward FDI, % of total volume		Абсолютное отклонение в 2020 г. от 2011 г. / Absolute deviation in 2020 from 2011
		2011 г.	2020 г.	
КГ1 – первая группа / KG1 – the first group	16	0,05	0,01	-0,04
КГ2 – вторая группа / KG2 – the second group	16	0,59	0,22	-0,37
КГ3 – третья группа / KG3 – the third group	16	1,82	0,86	-0,96
КГ4 – четвертая группа / KG4 – the fourth group	16	4,17	2,80	-1,37
КГ5 – пятая группа / KG5 – the fifth group	16	93,38	96,27	2,89
Итого / Total	80	100	100	0

Источник / Source: рассчитано авторами / calculated by the authors.

Таблица 4 / Table 4

**Распределение общего объема входящих ПИИ по децильным группам регионов РФ /
Distribution of total inward FDI by decile groups of the Russian Federation regions**

Группы регионов РФ / the Russian Federation regions' groups	Количество регионов / The number of regions	Удельный вес входящих ПИИ, в % к их общему объему / Share of inward FDI, % of total volume		Абсолютное отклонение в 2020 г. от 2011 г. / Absolute deviation in 2020 from 2011
		2011 г.	2020 г.	
ДГ1 – первая группа / DG1 – the first group	8	0,00	0,00	0
ДГ2 – вторая группа / DG2 – the second group	8	0,04	0,01	–0,03
ДГ3 – третья группа / DG3 – the third group	8	0,20	0,06	–0,14
ДГ4 – четвертая группа / DG4 – the fourth group	8	0,39	0,16	–0,23
ДГ5 – пятая группа / DG5 – the fifth group	8	0,68	0,30	–0,38
ДГ6 – шестая группа / DG6 – the sixth group	8	1,14	0,56	–0,58
ДГ7 – седьмая группа / DG7 – the seventh group	8	1,69	1,12	–0,57
ДГ8 – восьмая группа / DG8 – the eighth group	8	2,48	1,68	–0,80
ДГ9 – девятая группа / DG9 – the ninth group	8	4,00	4,68	0,68
ДГ10 – десятая группа / DG10 – the tenth group	8	89,37	91,59	2,22
Итого / Total	80	100	100	0

Источник / Source: рассчитано авторами / calculated by the authors.

показателя за последний анализируемый год выросло значительно.

Данные рис. 5 говорят о значительном усилении роли крупнейших регионов (г. Москва, Тюменская область, Московская область, г. Санкт-Петербург, Свердловская область, Сахалинская область, Ленинградская область, Красноярский край, входящих в ДГ10) и сокращении доли остальных в общем объеме поступающих ПИИ. ЦФО обязан своим доминирующим положением по исследуемому показателю (его значение не опускается ниже 47%) и стабильным первым местом г. Москве, чья роль является гипертрофированной (рис. 6).

ВЫВОДЫ

Исходя из полученных результатов исследования можно сделать следующие выводы:

- Структура поступающих в Россию ПИИ деформирована с концентрацией большей их части в ограниченном круге регионов с сильной географической и отраслевой неравномерностью распределения. Результаты распределения общего объема входящих ПИИ по квинтильным группам подтверждают работоспособность «принципа Парето»: на 1/5 часть регионов России приходится более 93% их общего объема, а за анализируемый период эта доля увеличилась еще на 2,89%.

Таблица 5 / Table 5

Распределение общего объема входящих ПИИ по федеральным
округам / Distribution of total inward FDI by federal districts

Группы регионов РФ / Russian Federation regions groups	Количество регионов / The number of regions	Удельный вес входящих ПИИ, в % к их общему объему / Share of inward FDI, % of total volume		Абсолютное отклонение в 2020 г. от 2011 г. / Absolute deviation in 2020 from 2011
		2011 г.	2020 г.	
Центральный / Central	18	74,73	69,98	-4,75
Северо-Западный / Northwestern	10	7,03	6,64	-0,39
Южный / Southern	6	1,05	0,68	-0,37
Северо-Кавказский / North Caucasian	7	0,10	0,06	-0,04
Приволжский / Privolzhsky	14	2,28	1,48	-0,80
Уральский / Uralian	4	9,10	15,52	6,42
Сибирский / Siberian	10	2,15	2,50	0,35
Дальневосточный / Far Eastern	11	3,56	3,14	-0,42
Итого / Total	80	100	100	0

Источник / Source: рассчитано авторами / calculated by the authors.

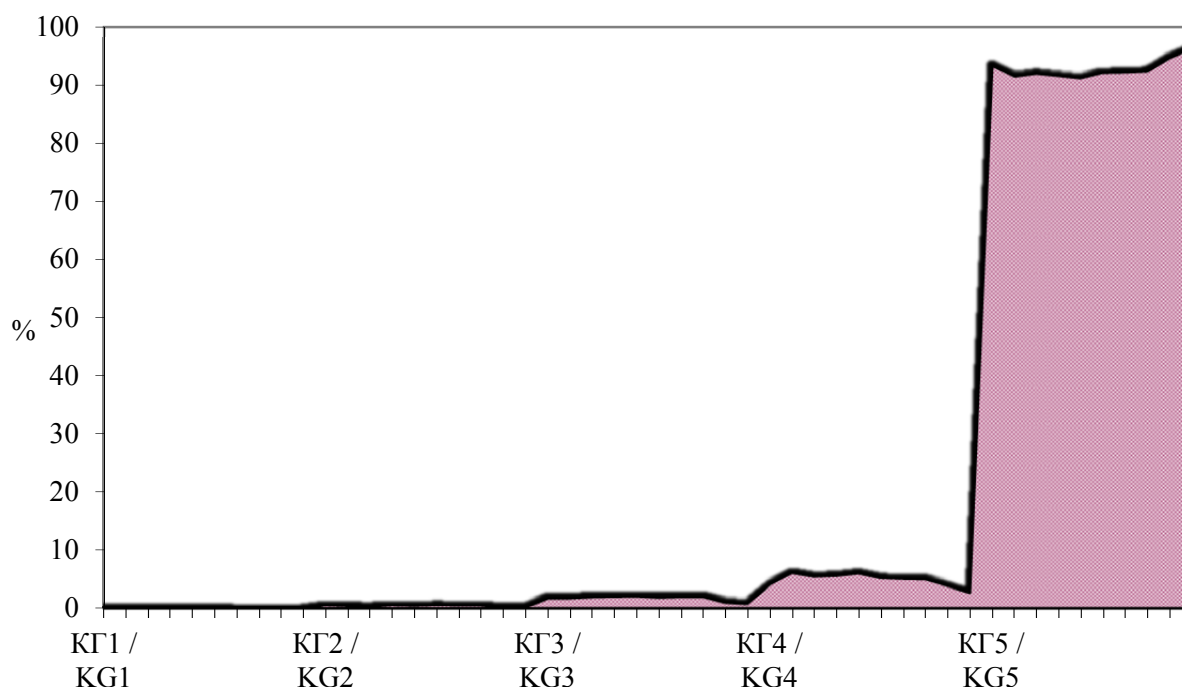

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика общего объема входящих ПИИ в регионы России по квинтильным группам (КГ1–КГ5) / Dynamics of the total volume of inward FDI in the Russian Federation regions by quintile groups (KG1–KG5)

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

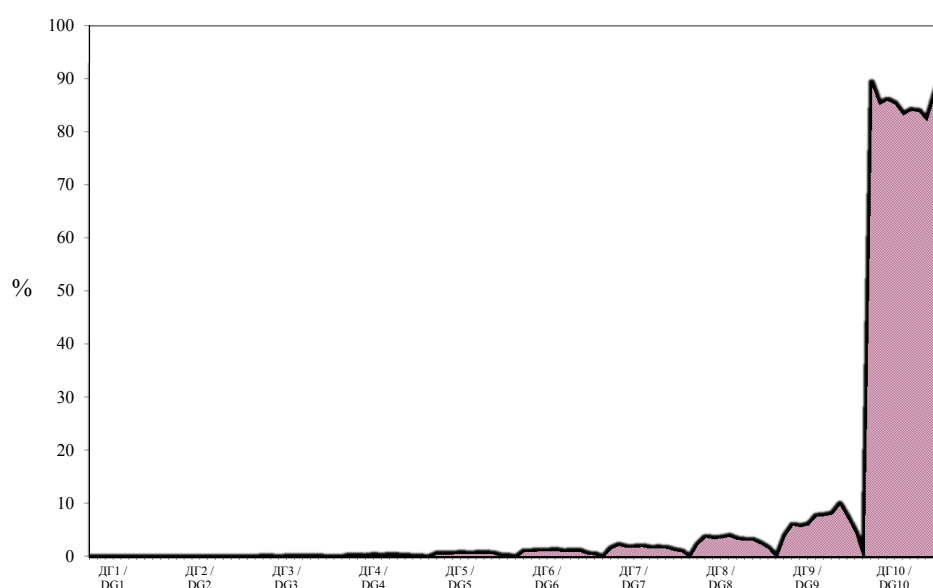

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика общего объема входящих ПИИ в регионы России по децильным группам (ДГ1-ДГ10) / Dynamics of the total volume of inward FDI in the Russian Federation regions by decile groups (DG1-DG10)

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

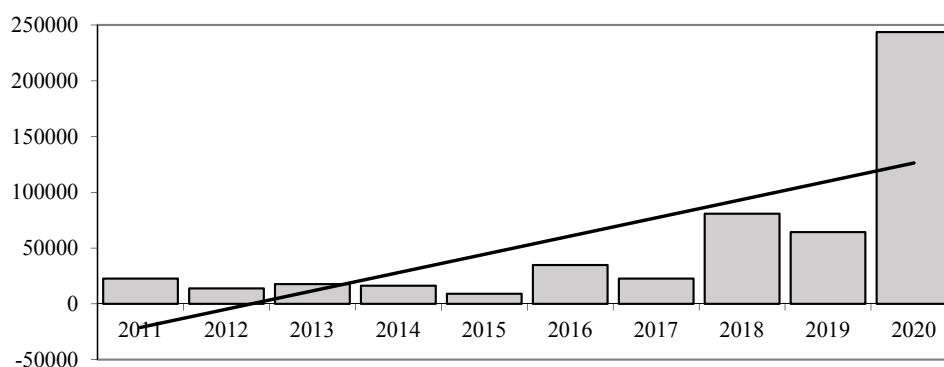

Рис. 5 / Fig. 5. Коэффициент фондов (соотношение ДГ10/ДГ1 входящих ПИИ в регионы России) за 2011–2020 гг. / Fund ratio (ratio DG10/DG1 of inward FDI to Russian regions), 2011–2020

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

- На десятую часть регионов России приходится более 89% ПИИ, а за рассматриваемый период времени эта доля увеличилась на 2,22%. Соотношение суммарных ПИИ 10-й децильной группы к 1-й в 2020 г. стало рекордным и составляет 243 690!

- Динамика распределения общего объема входящих прямых иностранных инвестиций в регионы России по федеральным округам за 2011–2020 гг. подтверждает, что основная их часть сконцентрирована в регионах ЦФО (около 70%), но за анализируемый период времени эта доля сократилась на 4,75%. В этом процессе за последние 10 лет наблюдается тенденция к сокращению объемов ПИИ в стоимостном выражении. Структурно-ди-

намические изменения свидетельствуют о дальнейшем увеличении степени неоднородности (неравенства) инвестиционного пространства России.

- Постулируемая в научной литературе взаимосвязь между условиями ведения бизнеса и объемами поступивших ПИИ в России не нашла подтверждения: за анализируемый период при улучшении условий ведения бизнеса их объем не увеличился.

- Географическая структура иностранных инвестиций требует преобразования в плане более равномерного их распределения по территории страны.

Перспективным направлением дальнейших исследований считаем необходимость оценки тен-

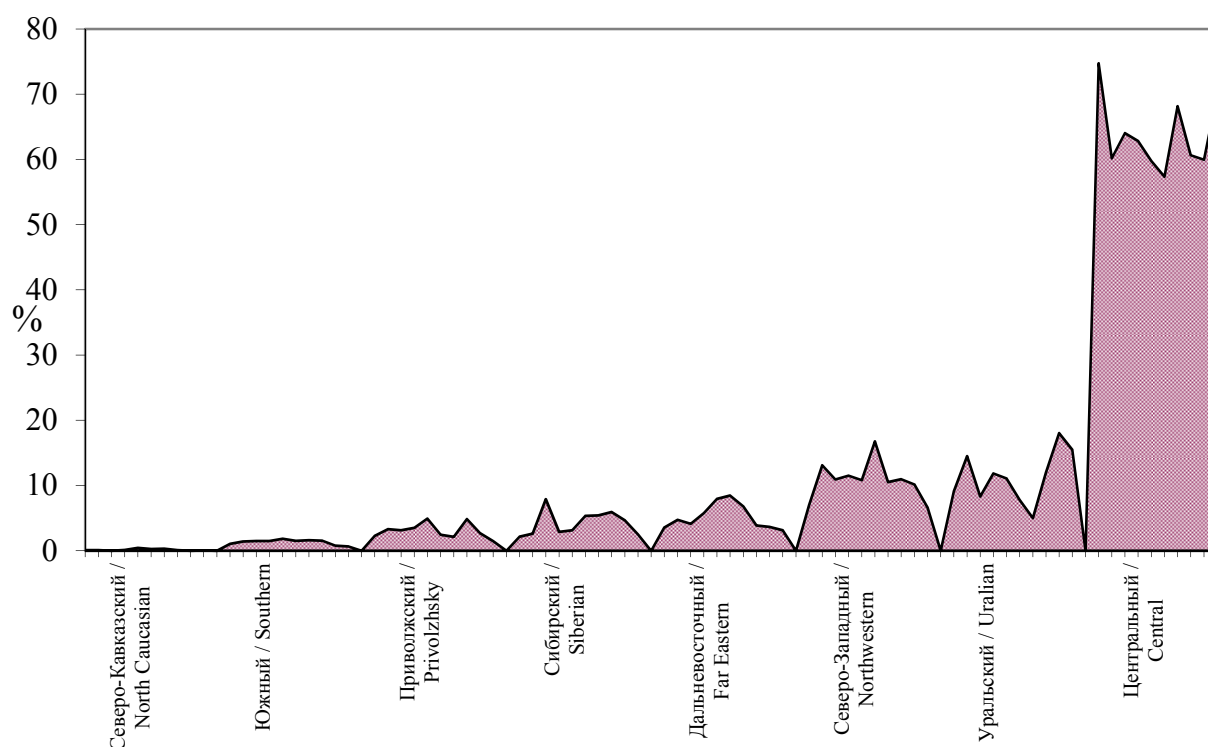

Рис. 6 / Fig. 6. Распределение общего объема входящих ПИИ в регионы России по федеральным округам /
Distribution of the total volume of inward FDI in the regions of Russia by federal districts

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

денций в привлечении ПИИ в условиях их правильной идентификации на счетах бухгалтерского учета и достоверного раскрытия информации в бухгал-

терской и статистической отчетности, а также наличии гармонизированной на международном уровне оперативной и надежной статистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Левин В. С., Саталкина Е. В. Учет прямых иностранных инвестиций: профессиональное суждение бухгалтера. *Учет. Анализ. Аудит*. 2022;9(1):31–41.
2. Козлова Е. И., Путилина М. А. Анализ притока прямых иностранных инвестиций в РФ. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2021;51(1):75–80.
3. Веселов Д. С., Горецкая Е. О., Канцалиева Л. А. Анализ притока прямых иностранных инвестиций в экономику РФ. *Экономика: теория и практика*. 2020;59(3):67–72.
4. Шалупаева Н. С. Методика оценки воздействия прямых иностранных инвестиций на развитие внешней торговли страны-реципиента: авторский подход. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2018;70(3):281–292.
5. Чельшева Д. А., Новак М. А. Методика оценки прямых иностранных инвестиций. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2018;31(5):167–172.
6. Дементьев Н. П. Формальные и действительные прямые иностранные инвестиции в российской экономике. *Мир экономики и управления*. 2018;18(4):5–17.
7. Хомяков В. А., Немчанинова Д. Н., Гребеник В. В. Возможности привлечения прямых иностранных инвестиций в Россию. *Вестник евразийской науки*. 2018;10(2):49.
8. Гильяно А. А. Современные тенденции привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику России: проблемы и перспективы. *Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии*. 2019;35(2):39–44.
9. Берман С. С., Медведева В. Р. Привлечение прямых иностранных инвестиций в условиях экономических санкций: региональный аспект. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2018;30(5):30–35.

10. Линь Л. Х. Роль прямых иностранных инвестиций в экономическом развитии России. *NOVAUM.RU*. 2017;(10):122–125.
11. Савко Т. К. Определение уровня влияния прямых иностранных инвестиций на экономику принимающей страны на примере стран ЕАЭС. *Фотинские чтения*. 2018;9(1):34–39.
12. Yin T., De Propriis L., Jabbour L. Assessing the effects of policies on China's outward foreign direct investment. *International Business Review*. 2021;30(4):101818.
13. Degong M, Ullah F., Ullah R., Arif M. An empirical nexus between exchange rate and China's outward foreign direct investment: Implications for Pakistan under the China Pakistan economic corridor project. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2020.
14. Dong Z., Miao Z., Zhang Y. The impact of China's outward foreign direct investment on domestic innovation. *Journal of Asian Economics*. 2021;75(7).
15. Khan A., Chenggang Y., Hussain J., Kui Z. Impact of technological innovation, financial development and foreign direct investment on renewable energy, non-renewable energy and the environment in belt & Road Initiative countries. *Renewable Energy*. 2021;(171):479–491.
16. Xu Y., Wu Y., Shi Y. Emission reduction and foreign direct investment nexus in China. *Journal of Asian Economics*. 2021;74(1):101305.
17. Tiba S., Belaid F. The pollution concern in the era of globalization: Do the contribution of foreign direct investment and trade openness matter? *Energy Economics*. 2020;(92):104966.
18. Jiang W., Martek I. Political risk analysis of foreign direct investment into the energy sector of developing countries. *Journal of Cleaner Production*. 2021; 302(4):127023.

REFERENCES

1. Levin V. S., Satalkina E. V. Accounting for Foreign Direct Investment: An Accountant's Professional Judgment. *Accounting. Analysis. Audit = Uchet. Analiz. Audit*. 2022;9(1):31–41. (In Russ).
2. Kozlova E. I., Putilina M. A. Analysis of the inflow of foreign direct investment in the Russian Federation. *Innovative economy: Prospects for development and improvement = Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. 2021;51(1):75–80. (In Russ).
3. Veselov D. S., Goretskaya E. O., Kantsalieva L. A. Analysis of the inflow of foreign direct investments into the Russian economy. *Economics: theory and practice = Ekonomika: teoriya i praktika*. 2020;59(3):67–72. (In Russ).
4. Shalupaeva N. S. Methodology for assessing the impact of foreign direct investments on the development of foreign trade of the recipient country: The author's approach. *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law = Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava*. 2018;70(3):281–292. (In Russ).
5. Chelysheva D. A., Novak M. A. Methodology for assessing foreign direct investment. *Innovative economy: Prospects for development and improvement = Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. 2018;31(5):167–172. (In Russ).
6. Dementiev N. P. Formal and actual foreign direct investments in the Russian economy. *World of Economics and Management = Mir ekonomiki i upravleniya*. 2018;18(4):5–17. (In Russ).
7. Khomyakov V. A., Nemchaninova D. N., Grebenik V. V. Opportunities to attract foreign direct investment to Russia. *Bulletin of Eurasian Science = Vestnik evrazijskoj nauki*. 2018;10(2):49. (In Russ).
8. Guiliano A. A. Modern trends in attracting foreign direct investments in the Russian economy: Problems and prospects. *Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy = Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii*. 2019;35(2):39–44. (In Russ).
9. Berman S. S., Medvedeva V. R. Attracting foreign direct investment in the context of economic sanctions: The regional aspect. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law = Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava*. 2018;30(5):30–35. (In Russ).
10. Lin L. H. The role of foreign direct investment in the economic development of Russia. *NOVAUM.RU*. 2017;(10):122–125. (In Russ).
11. Savko T. K. Determination of the level of influence of foreign direct investment on the economy of the host country on the example of the EAEU countries. *Fotin's Readings = Fotinskie chteniya*. 2018;9(1):34–39. (In Russ).

12. Yin T., De Propriis L., Jabbour L. Assessing the effects of policies on China's outward foreign direct investments. *International Business Review*. 2021;30(4):101818.
13. Degong M., Ullah F., Ullah R., Arif M. An empirical nexus between exchange rate and China's outward foreign direct investment: Implications for Pakistan under the China Pakistan economic corridor project. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2020.
14. Dong Z., Miao Z., Zhang Y. The impact of China's outward foreign direct investment on domestic innovation. *Journal of Asian Economics*. 2021;75(7).
15. Khan A., Chenggang Y., Hussain J., Kui Z. Impact of technological innovation, financial development and foreign direct investments on renewable energy, non-renewable energy and the environment in belt & Road Initiative countries. *Renewable Energy*. 2021;(171):479–491.
16. Xu Y., Wu Y., Shi Y. Emission reduction and foreign direct investments nexus in China. *Journal of Asian Economics*. 2021;74(1):101305.
17. Tiba S., Belaid F. The pollution concerns in the era of globalization: Do the contribution of foreign direct investment and trade openness matter? *Energy Economics*. 2020;(92):104966.
18. Jiang W., Martek I. Political risk analysis of foreign direct investment into the energy sector of developing countries. *Journal of Cleaner Production*. 2021;302(4):127023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Сергеевич Левин — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-0532-6053>
vslevin@mail.ru

Елена Владимировна Саталкина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9899-1046>
elena.satalkina@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir S. Levin — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Auditing, Orenburg State University, Orenburg, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0532-6053>
vslevin@mail.ru

Elena V. Satalkina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Auditing, Orenburg, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9899-1046>
elena.satalkina@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 28.06.2021; после рецензирования 22.12.2021; принята к публикации 28.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 28.06.2021; revised on 22.12.2021 and accepted for publication on 28.02.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.